МЫ ИДЕМ СКВОЗЬ РЕВОЛЬВЕРНЫЙ ЛАЙ...»

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ДИПЛОМАТА АНДРЕЯ КАРЛОВА ГЛАЗАМИ ЕГО ВДОВЫ

В наших жилах –
кровь, а не водица.
Мы идем
сквозь револьверный лай,
чтобы,
умирая,
воплотиться
в пароходы,
в строчки
и в другие долгие дела.

Владимир Маяковский
«Товарищу Нетте, пароходу и человеку»

Текст: Владимир Нордвик **Фото:** семейный архив

01

Андрей Карлов родился 4 февраля 1954-го. За неделю до профессионального праздника — Дня дипломатического работника. Последние два года обе даты отмечают без Андрея Геннадьевича.

Чрезвычайный и Полномочный посол Российской Федерации в Турецкой Республике Андрей Карлов погиб при исполнении служебных обязанностей. 19 декабря 2016 года в Анкаре его застрелил террорист-смертник.

О муже и об обстоятельствах того трагического дня рассказывает Марина Михайловна Карлова.

Пропущенные сигналы

— Мне придется делать вам больно вопросами, Марина Михайловна.

— Понимаю. У вас работа такая — спрашивать. Постараюсь ответить. Я привыкла. Привыкаю...

— Начнем с конца. В буквальном смысле. С 19 декабря 2016-го.

— Поначалу никакие тревожные мысли меня не посещали, хотя верю в предчувствия и интуицию. Рано утром в Москву улетала гостившая у нас моя сестра Надя, вот она почему-то волновалась, переживала. Мы с Андреем сидели и успокаивали ее, мол, не беспокойся, все будет хорошо. А она места себе не находила.

Правда, раньше знаки были. За пять дней до этого мы с Надей летели в Анкару из Стамбула, и в очереди на посадку перед нами оказалась женщина в мусульманской одежде. В руках она держала

то ли книгу желтого цвета, то ли табличку с напечатанным крупным черным шрифтом словом «Джихад» на турецком языке. Я сказала сестре, что этим самолетом не полечу. С нами была моя подруга Лела Мосякова, она начала убеждать, что в аэропорту серьезная служба безопасности, поэтому опасаться нечего.

Я согласилась, хотя и поднималась на борт с тяжелым сердцем. Полет прошел нормально, и я забыла о странной попутчице. Вспомнила позже, когда стала перебирать факты, выглядевшие подозрительными или — наоборот — предостерегающими.

Днем 19 декабря уезжали домой российские строители, работавшие в нашем посольстве. Они решили заранее поздравить меня с Новым годом и подарили бутылку шампанского Veuve Clicquot — «Вдова Клико». Я не удержалась и сказала Андрею: «Ну почему вдова?» Слово немного резануло, хотя я, конечно, знала, что это всемирно известная компания, очень популярный бренд. Муж посмеялся над моими страхами. Дескать, люди старались, а ты привередничаешь.

Было еще одно предупреждение, но и это я поняла лишь потом... Раз в месяц Андрей устраивал обеды с российскими генконсулами из Стамбула, Трабзона и Анталии. Те приезжали с женами, мы шли в какой-нибудь ресторан в Анкаре, ели, разговаривали на разные темы. Такая встреча коллег в неформальной обстановке.

19 декабря выбрали модное место, где подают рыбу. Отобедали, распили на восьмерых бутылку белого вина, заказали чай. И вдруг приносят водку в лафетниках с надписью «Россия». Не маленькие рюмки, а почти стаканы. И водка налита до краев. Словно на поминках. Это выглядело странно, мы подобного не заказывали. На наш недоуменный вопрос официант ответил, мол, подарок от заведения. Но турки почти не пьют крепкие напитки, чаще используют их для коктейлей.

Мы удивились, но не насторожились, а стоило.

°1
Марина и Андрей. После венчания в Пхеньяне.

°2
19 декабря 2016 года. Художественная галерея в Анкаре. Охрана появилась слишком поздно.

Шесть хлопков

— Что было потом?

— Я вернулась с Андреем в посольство, он сразу пошел в кабинет и работал там до вечера. С кем-то встречался, общался. Возвратился домой чуть позже, чем планировал, и спрашивает: «А почему ты не одета? Нам сейчас ехать на выставку». Отвечаю: «Ты не предупреждал». Он торопился, очень не любил опаздывать, поэтому сказал: «Ладно, оставайся, съезжу один». Но я не захотела его отпускать, попросила подождать пять минут и быстро собралась.

По дороге попали в небольшую пробку, Андрей сетовал, что водитель не посмотрел по навигатору, как лучше ее объехать, тем не менее на место мы прибыли вовремя, вышли из машины ровно в 18.30. У дверей культурного центра стояла рамка металлоискателя, но женщина-охранник махнула нам рукой, мол, скорее проходите, не задерживайтесь.

В зале, где должна была проходить выставка «Россия глазами путешественника — от Калининграда до Камчатки», уже собрались люди. Я увидела послов Кыргызстана и Узбекистана, Андрей подошел к ним, а я встала вместе с гостями, среди которых была и жена нашего советника Елена Епифанова.

Первым выступил организатор выставки, затем заместитель главы муниципалитета Анкары, и слово взял Андрей. Он успел сказать буквально несколько предложений. Рядом

02

GETTY IMAGES

был переводчик. Многие люди снимали речь на мобильные телефоны. На несколько мгновений стоявшие впереди загородили мне обзор, и я не увидела самый ужасный момент. К счастью... Только услышала громкие хлопки. Помню, мелькнула мысль: это кто же догадался взрывать петарды в помещении?

—Всё происходило в тишине? Убийца ведь что-то кричал.

—Это потом. Сначала раздались три хлопка подряд. Как выяснилось позже, террорист стал сзади и выстрелил мужу в шейный, грудной и поясничный отделы позвоночника. Андрюша с высоты роста рухнул на спину, в кровь разбив затылок об пол. Надеюсь, он сразу потерял сознание и больше ничего не чувствовал...

Но, повторяю, мне не было этого видно, происходящее заслоняли люди. Раздались крики «Аллах акбар!» Я поняла, что нас захватили террористы. Елена Львовна прошептала: «Ложитесь!» Оглянулась: все падают, приседают. Я тоже легла. Человек с пистолетом продолжал что-то кричать, я старалась не встретиться с ним глазами и перевела взгляд вниз.

Прозвучали еще три хлопка...

Потом узнала: убийца подошел к лежащему Андрею, наклонился и выстрелил ему в лицо, грудь и живот. Тогда мне в голову не приходило, что цель нападения—мой муж, думала, он лежит вместе со всеми и ждет помощи. Знаете, как в кино показывают: заложников с руками на затылке усаживают в углу, предъявляют требования властям, те потом начинают переговоры об освобождении...

Особенного волнения я не испытывала, было чувство, будто это происходит не со мной, а я наблюдаю за всем со стороны. Чуть приподняла голову, чтобы посмотреть, где Андрюша, и увидела его лежащим на спине ногами в мою сторону. Лицо от меня было скрыто, зато обратила внимание на кончик галстука, вертикально торчавший над грудью. Опять-таки позже мне сказали, что одна из пуль чуть приподняла галстук. А тогда я вглядывалась в него и думала: если хоть немного шевельнется от дыхания, значит, Андрей жив. Но движения не было...

«Я сильная»

—Это продолжалось долго?

—Думаю, не более пяти-семи минут.

Потом с пола с поднятыми руками встал турок в униформе охранника. Он попытался приблизиться к террористу, тот замахал пистолетом и приказал лечь, прокричав, что пришел сюда умирать, его никто не остановит, а всё, что он делает, расплата за бомбежки сирийского Алеппо.

Достойно повел себя посол Узбекистана Ульфат Кадыров. Он шепотом обратился к лежавшему рядом с ним охраннику: «Дай мне пистолет. Если не можешь выстрелить, сделаю это сам». Но тот был безоружен...

Еще через какое-то время террорист приказал всем покинуть помещение. Мол, я сделал, что хотел.

К этой минуте я уже поняла: с Андреем приключилось что-то нехорошее, но из-за шока не отдавала себе отчет, насколько всё серьезно. Елена Львовна прикрывала меня, не давая смотреть туда, где он лежал. Люди выходили, словно в замедленной съемке. Или мне так казалось? Никто не бежал, не кричал. Среди гостей были учителя российской школы, некоторые—с детьми. Все пошли по лестнице, а меня почему-то затолкали в лифт, где оказалась еще какая-то турчанка. Я вдруг стала громко говорить по-турецки: «Это мой муж! Посол—мой муж!» Женщина стояла и молчала. В руках у меня были чьи-то очки, которые подобрала с пола. Зачем, не знаю...

Фу-уф... Извините, сейчас успокоюсь. Рассказываю и словно заново всё переживаю...

—Можем сделать паузу, Марина Михайловна.

—Нет-нет, нормально. Я сильная.

Словом, двери лифта открылись, я направилась к посольской машине, возле нее сто-

°3, 4
18 декабря 2017 года. На вечере памяти Андрея Карлова в медиацентре «Российской газеты».

°5
Ульфат Кадыров — посол Узбекистана в Турции.

ФОТО АЛЕКСАНДРА КОРОЛЬКОВА

ФОТО АЛЕКСАНДРА КОРОЛЬКОВА

ял водитель и курил. Я сказала: «Слава, Андрея Геннадьевича убили». Мне показалось, он не слишком удивился. Может, слышал выстрелы или догадался, когда из здания стали в спешке выходить люди. Слава посадил меня в салон и пошел внутрь культурного центра. На какое-то время я осталась абсолютно одна. Позвонила сестре в Москву. Она днем прилетела домой, сидела и рассказывала мужу, как замечательно в Турции. И тут, значит, я: «Надя, Андрюша убит, нас захватили террористы». Ее реакция была совершенно естественной: «Марина, ты шутишь?!» Отвечаю: «Нет, это правда». Сестра задает следующий вопрос: «Что с тобой? Ты как?» В эту секунду дверь машины открывается, кто-то берет меня за руку и начинает вытаскивать наружу. Я успеваю лишь произнести: «А меня куда-то тащат...»

05

ПОСОЛ УЗБЕКИСТАНА УЛЬФАТ КАДЫРОВ ШЕПОТОМ ОБРАТИЛСЯ К ЛЕЖАВШЕМУ РЯДОМ С НИМ ОХРАННИКУ: «ДАЙ МНЕ ПИСТОЛЕТ. ЕСЛИ НЕ МОЖЕШЬ ВЫСТРЕЛИТЬ, СДЕЛАЮ ЭТО САМ». НО ТОТ БЫЛ БЕЗОРУЖЕН...

Выйдя из салона, я оглянулась и увидела Ульфата Кадырова, узбекского посла. Он сказал: «Пока не надо говорить по телефону, у террористов могут быть сообщники. И одной тебе сейчас оставаться не нужно». Он повел меня к своей машине, приобнял, и только тут я впервые заплакала.

Что было с сестрой, не могу передать словами. Она чуть с ума не сошла, пока я не позвонила снова и не успокоила.

Первое SMS я получила от нашего посла в Северной Корее Александра Мацегоры, когда еще сидела в машине у культурного центра. С момента ЧП не прошло и получаса, новость разлетелась по миру мгновенно. Я написала Мацегоре, что в Андрюшу стреляли, и террорист по-прежнему находится в здании.

— А где была полиция?

— Она еще не приехала! И скорая тоже. Понимаете? По телевизору в прямом эфире идет информация о случившемся, а спецслужбы никак не доберутся до места. Удивительно, правда?

— Значит, теоретически убийца мог уйти, скрыться?

— Почти наверняка. Здание культурного центра стеклянное, и с улицы зеваки прекрасно видели, как он мечется внутри. Его никто не удерживал, зато потом убили в перестрелке с полицией. Но я уже уехала оттуда.

«Следователь» из желтой прессы

— Вернулись в посольство?

— Мы занимали скромную двухкомнатную квартиру: спальня да столовая. Жившая с нами Андрюшина мама спала в коридоре за занавесочкой. Такие вот хоромы у послов... Но это детали, штрихи.

В сентябре 2016 года Марии Александровне исполнилось 85 лет, дату мы отпраздновали душевно, тепло, весело, даже нашли и купили шуточную медаль «За взятие 85-летнего рубежа». Все получилось хорошо.

— Свекровь всегда жила с вами?

— Практически да. Каково матери потерять единственного сына? Невозможно представить...

Прибежала врач, моя подруга, дала какие-то успокоительные капли, но они не подействовали, меня по-прежнему трясло, я плакала, кричала. Мария Александровна по вечерам обычно смотрела телевизор, а тут сидела и раскладывала пасьянс на компьютере. Тоже ничего не почувствовала заранее, а господь уберег ее от шока, если бы она одна услышала страшную весть из новостей. Я не могла подняться на второй этаж в квартиру и рассказать, что случилось с Андреем. Первой пошла врач, потом уже я. Мы сидели, обнявшись, и плакали.

Заглянул переводчик Александр Лешуков и сообщил, что Андрея отвезли в госпиталь. Я спросила: «Он жив?» Александр ответил: «Вроде бы». Я помчалась туда. Меня встретил мэр Анкары, которого знала в лицо, еще какие-то чиновники. Попросили немного подождать. В комнате я опустилась на колени и стала молиться, прося об одном: чтобы муж выжил. Пусть — инвалид, пусть — на коляске, но живой. Через несколько минут зашли люди, и я сразу поняла: чуда не случилось... Опять впала в состояние ступора, ничего не могла делать или говорить, меня взяли под руки и повели к машине, так и не дав увидеть Андрея.

У дверей госпиталя в три шеренги стояли журналисты с камерами. Они стали снимать, что-то кричать. У меня не было сил даже заслониться. Последние кадры делали, когда я уже сидела в салоне. Вот думаю: неужели кому-то так были нужны фото с моим опрокинутым от горя лицом? Что дала эта съемка?

Со свекровью мы до пяти утра ходили по комнатам, не могли успокоиться, заснуть. Бесконечно звонил телефон, соболезнования шли от друзей, знакомых, коллег со всего мира. Люди искренне говорили слова поддержки и сочувствия, хотя в подобный момент разве можно найти хоть какое-то утешение?

Правда, раздался и нехороший звонок. Очень! К сожалению, не сохранился номер, помню лишь, что код московский — 495. Молодая женщина сказала, что она — сотрудник Следственного комитета и должна задать вопросы об обстоятельствах нападения. Я рассказала всё, что знала. Это же следователь. Звонившая слушала и уточняла: а сколько было ранений, куда? Я объяснила, что мужа не видела, но, со слов врачей, в теле насчитали одиннадцать отверстий, пять пуль прошли навылет, одна застряла в животе. Потом пошли вопросы: а кто сейчас рядом с вами, как себя чувствуете? Я честно сказала, что мне плохо, но помогает подруга, врач по профессии...

Такой вот разговор. А через два часа в Интернете появилось мое «интервью», где излагалось всё, что я сообщила «следователю». Желтая пресса во всей красе!

Разве можно поступать с людьми столь жестоко? Неужели я стала бы разговаривать с корреспондентами через несколько часов после гибели мужа?

Но и это не всё. Вдогонку появилась информация, будто бы я лежу в турецкой больнице с инфарктом. Не понимаю, меня хотели совсем добить, что ли?

Вообразите состояние моих родных, друзей: Андрея убили, Марина при смерти...

— В суд не подавали на авторов «сенсаций»?

— Говорю же: номер телефона не запомнила, тогда было очень много звонков, а ловить тех, кто разнес слухи по разным сайтам...

06

ПРИЕХАЛИ ЖЕНЫ ПОСЛОВ, ЧЕЛОВЕК ТРИДЦАТЬ. ЖЕНЩИНЫ ПЛАКАЛИ, Я ПЛАКАЛА. МЫ СИДЕЛИ КРУГОМ, ДЕРЖАЛИСЬ ЗА РУКИ, ПОТОМ КТО-ТО ЗАПЕЛ ПОМИНАЛЬНЫЕ ПЕСНИ

Последние почести

— 20 декабря вы улетели в Москву.

— Да, за нами прислали самолет из правительственного авиаотряда «Россия» с психологами и врачами на борту.

Но до этого я успела принять жен послов, аккредитованных в Анкаре. Спала в ту ночь пару часов, не больше. Проснулась с мыслью: «Господи, что же за кошмар привиделся?» Повернула голову, глянула на соседнюю подушку, автоматически провела рукой, а Андрея нет. Тут и поняла: это не сон.

Потом пришли мои подруги, стали собирать вещи в дорогу. Почти не участвовала в этом. Ближе к обеду написала супруга французского посла: «Марина, мы все глубоко потрясены. Можем навестить тебя, выразить соболезнования?» Приехали жены послов — человек тридцать, наверное. Я каждую поблагодарила, обняла. Сказала, что прожила с Андреем сорок один год, мы понимали друг друга с полуслова, и это было счастливое время. А как жить теперь, не знаю. Женщины плакали, я плакала...

Мы сидели кругом, держались за руки, потом кто-то запел поминальные песни.

Они пришли как подруги, как сестры, хотя не скажу, что до этого между нами была крепкая дружба. Я даже перестала ходить на традиционные чаепития, которые раз в месяц устраивались женами то в одном посольстве, то в другом. После событий в Крыму и на востоке Украины отноше-

°6, 7
Всегда вдвоем.

ния стали прохладными, мы как-то отдалились. Чувствовала, что меня сторонятся, а навязываться не хотела. С какой стати? Себя надо уважать.

А тут собрались все. Кто не смог приехать, прислали SMS и букеты с визитными карточками. Пожалуй, лишь жены послов США и Украины промолчали...

В аэропорт мы ехали на машине с российским флажком. Я сказала водителю, что так полагается делать только в случае, если в салоне посол. Мне ответили: распоряжение советника-посланника Сергея Панова. Я очень благодарна ему за поддержку. Прекрасный, добрейший человек. И над нашим посольством в Анкаре флаг был приспущен сорок дней. В память об Андрюше...

В аэропорту Анкары собралось много народу. Устроили траурный митинг, на котором присутствовали турецкие официальные представители, многие послы. Каждому булавкой на грудь

приkололи небольшое фото Андрея, в руки дали по две гвоздички. И мне тоже. Я стояла, не в силах сделать ни шага. Подойти к гробу и положить цветы на крышку не смогла. Думала только об одном: поскорее бы всё закончилось. Хотела улететь в Москву, забиться в свою квартиру и никого не видеть, не слышать, побыть наедине с собой. Ещё запомнила, что было дико холодно. До этого дня в Анкаре зима не чувствовалась...

Там же, на летном поле, греческий священник отец Виссарион, учившийся в Петербурге и говоривший по-русски, отпел Андрея на старославянском.

Прощание

—Кто вас встречал во Внуково?

—Самолет приземлился, я взяла на руки Жорика, мальтийскую болонку, и черепаху, которых мы, конечно, не могли бросить в Турции, и пошла к выходу, но меня попросили подождать несколько минут: «Сейчас на борт поднимется министр». Я была в таком состоянии, что не сразу сообразила, о ком речь. В тот день Сергей Лавров проводил переговоры с турецким коллегой Мевлютом Чавушоглу. Уж не знаю, как они беседовали после убийства посла... Наверняка трудно.

Оба министра приехали в аэропорт, зашли в самолет. Сергей Викторович сказал: просите что угодно, постараюсь это сделать. Я не готовилась к такому разговору, но ответила, что буду признательна, если сына Гену досрочно отзовут из командировки в Пхеньян. Объяснила, что одна попросту не выдержу. Сергей Лавров удивился: «Только и всего? Без проблем!»

—Вы были знакомы?

—Нет. Андрей, конечно, хорошо знал министра, но он никогда не брал меня на мероприятия, если это не предписывалось протоколом. И я прекрасно понимала мужа, порядок есть порядок.

Словом, через час после посадки во Внуково я была дома. Всё случилось настолько стремительно... Лишь сутки с небольшим назад я собиралась на выставку, шла размеренная, благополучная жизнь, будущее не сулило проблем, и вдруг всё рухнуло. Андрей убит, я в Москве. Оглушенная, потерянная... И в руках портрет мужа, в который вцепилась и не отпускала. Долго не могла расстаться с фотографией, гладила ее, целовала... Состояние было ужасное.

Вечером позвонили и предложили провести похороны в среду 21 декабря. Я очень боялась, что сын не успеет прилететь из Северной Кореи, и спросила: «А можно в четверг?» Откуда мне знать, что у Владимира Путина на этот день была запланирована ежегодная большая пресс-конференция, и о ней давно объявлено, журналисты съехались со всей страны? Однако звонивший деликатно не стал ничего говорить, пообещав передать мою просьбу про четверг.

Пресс-конференцию перенесли на сутки, на пятницу, о чем я узнала задним числом. Конечно, в этом тоже была дань уважения моему мужу.

—Панихида проходила в здании МИД на Смоленке?

—Мы с сестрой приехали пораньше, я хотела побыть с Андрюшей наедине, но не получилось, уже собирался народ. Меня предупредили, что нельзя дотрагиваться до лица. Я ведь по-прежнему не знала, что убийца одну из пуль выпустил именно туда... Спросила: «В лоб поцеловать можно?» Разрешили.

Собравшиеся вели себя душевно, бережно. Пришло много людей. Очень! Приехали Владимир Путин и Дмитрий Медведев, сказали слова сочувствия и поддержки. Я была на лекарствах, поэтому воспринимала происходившее через какую-то легкую пелену и смогла выдержать всё.

—Сын успел?

—Застрял в Китае и прилетел буквально накануне похорон, вечером в среду. Они с женой

были в таком шоке, что в спешке не взяли подходящую для траурной церемонии одежду. Прямо из аэропорта помчались покупать черный костюм и платье...

—Химкинское кладбище выбрали вы?

—Да. На нем похоронен отец Андрюши, его бабушка, дядя, там завещала похоронить себя Мария Александровна. И я со временем тоже туда лягу.

Чем еще Химки хороши для меня? Не скажу: удобны, это слово в данном случае вряд ли уместно. В первые месяцы я ежедневно ездила на кладбище, и сейчас недели не проходит, чтобы не бывала на могиле. Потребность постоянно разговаривать с Андреем, выработавшаяся за сорок лет, никуда ведь не делась. Ехала и говорила с ним. Обо всем на свете. Конечно, мне удобнее добираться на маршрутке от «Речного вокзала» до Химок, чем до кладбища, расположенного в каком-нибудь другом конце города. Все равно ездила бы, но теряла бы гораздо больше времени.

Когда в первый раз поехала на кладбище, чтобы выбрать место для могилы, мне на мобильный позвонил патриарх Кирилл и сказал, что лично будет отпевать Андрея в храме Христа Спасителя.

Перекушенное кольцо

—С ним-то вы точно встречались раньше.

—Неоднократно. Он венчал нас в августе 2006-го. Чуть более десяти лет мы с Андрюшей прожили венчаными...

Дело было в Пхеньяне, где муж служил послом России. Построили храм Святой Троицы, и Кирилл, тогда еще митрополит Смоленский и Калининградский, приехал его освящать. Потом на ужине, на который меня, как обычно, не позвали, Кирилл спросил у Андрея: «Вы с супругой крещеные? А венчаные?» Услышав ответ, предложил: «Ну, так давайте я и обвенчаю».

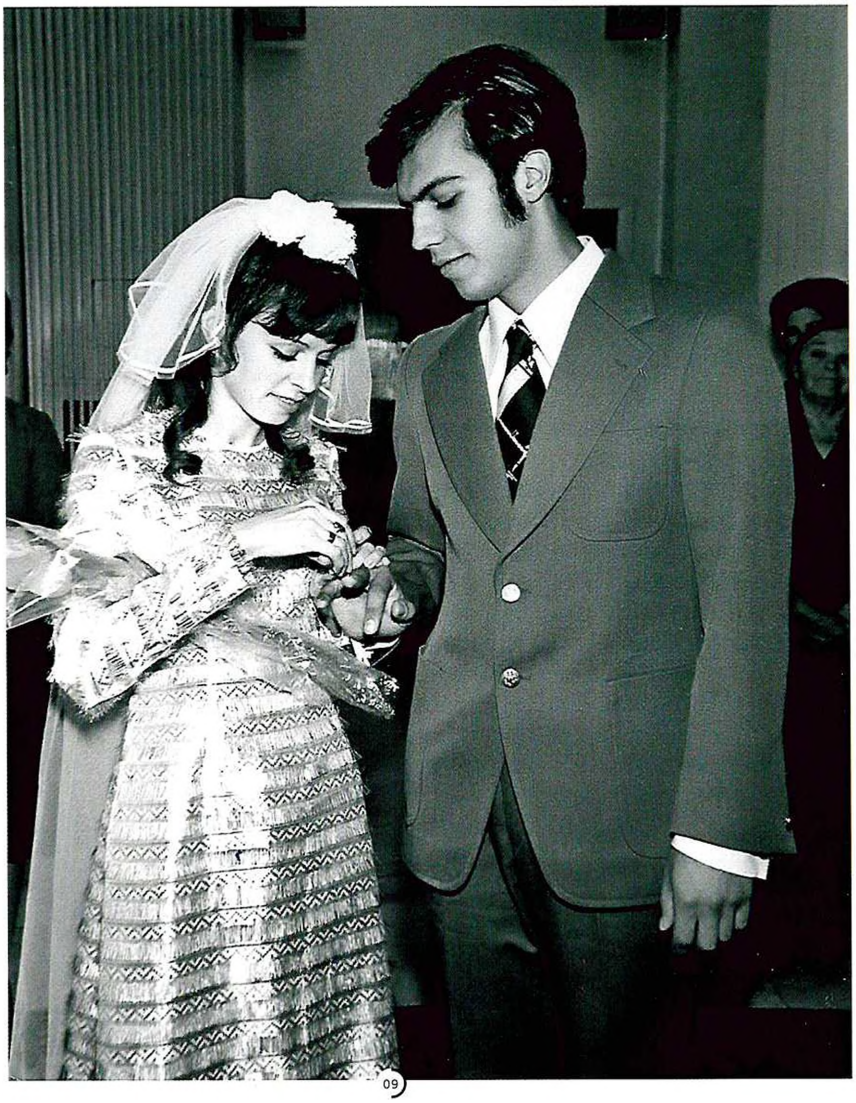
Конечно, это была моя давняя мечта, я человек верующий. Когда позвонили и сказали: «Андрей Геннадьевич просил передать, что завтра венчаетесь», —я так обрадовалась!

Мы даже успели организовать в посольстве праздничное застолье на пятьдесят человек. Правда, венчаться пришлось с теми же кольцами, с которыми женились. По сравнению с 1976 годом Андрей сильно поправился, колечко спокойно лежало в шкатулочке, он давно не доставал его, а тут опять надел. Палец и распух. Сильно.

Сидим за столом, а Андрюша шепчет мне на ухо: «Марина, кольцо не снимается!» Вызвали врача, она не справилась с задачей, стали искать посольского слесаря с щипцами. А Кирилл смотрит и понять не может, что происходит, почему посол постоянно встает из-за стола и выходит в другую комнату. В итоге народный умелец перекусил кольцо пополам. Так оно у меня и лежит, перекушенное.

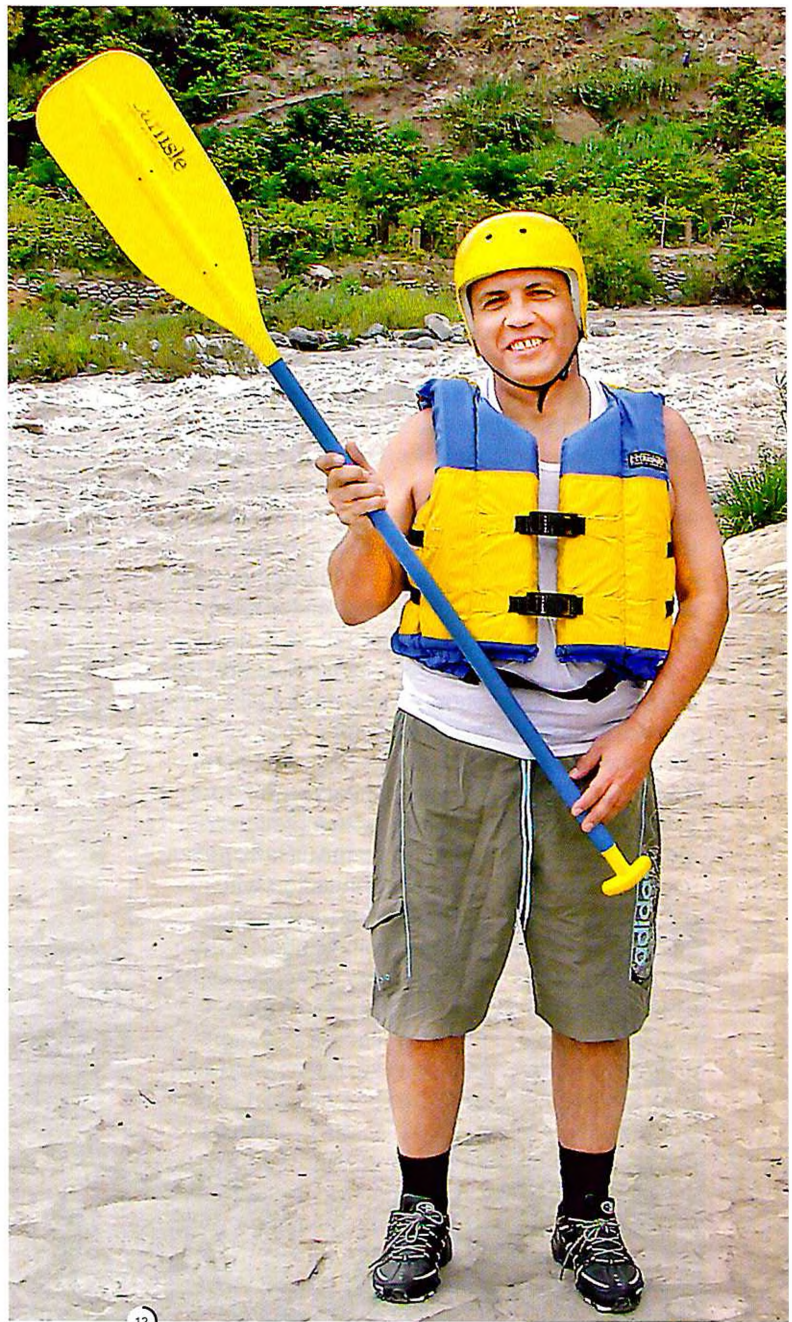
08

8–13
Андрей Карлов. Мальчишка, жених, муж, отец, дед...



09

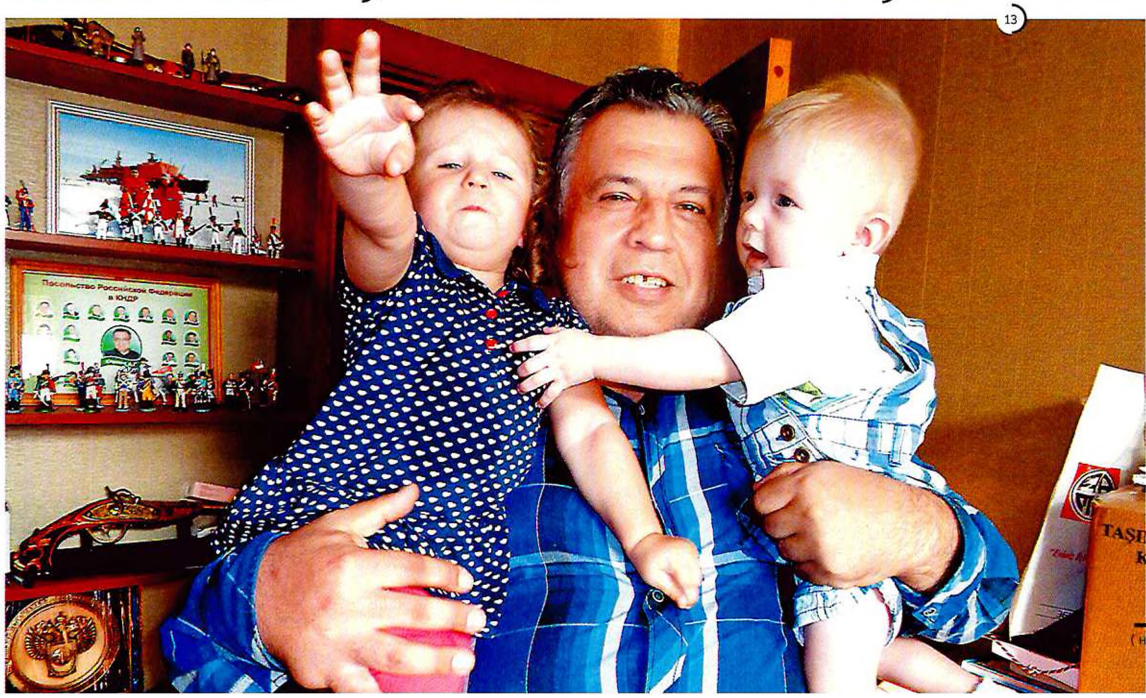
10



11

12

13



Кирилл, узнав о причинах отлучек Андрея, очень естественно пошутил, снял напряжение. Мне кажется, он хорошо относился к моему мужу. Вот и в последний путь проводил...

—Мы с вами, Марина Михайловна, говорили о тревожных знаках, которые вы смогли уловить лишь задним числом. А реальные сигналы от тех, кому это по статусу положено, поступали?

—Было. Месяца за три до трагедии мы вдвоем ехали в машине (а по выходным Андрей всегда отпускал шофера и сам садился за руль), и вдруг он совершенно спокойно сказал: «Марина, знаешь, если крикну: «Ложись!»—сразу падай вниз и никаких вопросов не задавай. Так надо». Я поняла, что на нас может быть совершено покушение, смотрю на мужа и спрашиваю: «А ты?» Он отвечает: «А я о себе сам позабочусь». Попыталась развить тему, но Андрей пресек: «То, что нужно, я тебе сказал».

Недели две я не пристегивалась ремнем безопасности, чтобы удобнее было прятаться, а потом всё вернулось на круги своя.

И второе подтверждение, что сигналы поступали. 11 декабря жены турецких дипломатов проводили традиционную предновогоднюю благотворительную ярмарку, в которой наше посольство всегда участвовало. Сувениры, платки, шали, матрешки, детские рисунки, поделки... Вырученные деньги шли на строительство школ. Андрей улетал на переговоры в Москве и вернулся в Анкару в день ярмарки. Позвонил из аэропорта и сказал: «Марина, не надо никому никуда ехать. Сидите и ждите меня». Я стала возражать, мол, люди долго готовились, но муж сказал: «Это не просьба—приказ». Видимо, поступила информация о готовящемся теракте. Как было бы символично расстрелять русских в национальных костюмах и кокошниках...

После этого мы сразу улетели в Стамбул, там проходили совершенно страшные демонстрации перед нашим генконсульством. Обострение возникло из-за освобождения Алеппо. Телевидение, пресса мощно и профессионально нагнетали обстановку, внушая, будто наша авиация уничтожила много мирных жителей. В итоге у российского консульства собралась огромная толпа бородатых мужчин, у дверей свалили облитые красной краской, оторванные у кукол ноги и руки, напротив здания стояла машина полиции с водометом на случай штурма. Было не слишком приятно, мягко говоря. Мы проникали на территорию через запасную калитку.

—Об охране для посла не думали?

—Не положено. Безопасность дипломатов обеспечивает принимающая сторона. Да, сейчас нашего посла охраняют вооруженные турки, а тогда этого не было. За пару недель до трагедии в Анкару и все российские генконсульства в Турции прислали по бронированному джипу, но мы в нем ни разу не проехали. В любом случае машина не спасла бы от выстрелов в упор...

Андрея мог бы, наверное, сопровождать сотрудник посольства, имеющий соответствующую квалификацию. Мы же прекрасно знаем, что такие люди в штате дипмиссии есть. Когда в январе 2017-го я приезжала в Анкару за оставшимися вещами, ко мне подошел офицер по безопасности и попросил прощения, что не уберег Андрея. С другой стороны, что он мог бы сделать, если ему запрещалось носить оружие?

—Была информация, будто Мевлют Алтынташ, стрелявший в вашего мужа, присматривался и к американскому послу.

—Это факт. Убийца оставил предсмертную записку, которую мне потом дали прочесть. Там написано, что Россия и Америка—враги всего мира, поэтому они подлежат уничтожению... Ал

14

В родном городке Клинцы с сыном Геннадием.

тынташ оценивал, к кому из послов проще подобраться. Фамилия, кстати, у него красивая, переводится как «золотой камень»...

Не держу зла на стрелявшего, искренне сочувствую его матери, потерявшей сына. Убеждена, если бы Мевлют смог узнать моего мужа, пообщался бы с ним, он никогда не поднял бы руку на Андрея.

Потомственный дипломат

—Вы сказали, что прожили с мужем сорок один год.

—Познакомились мы случайно. Как-то я гуляла с подружкой, та встречалась с парнем, а Андрей был его приятелем и пошел за компанию, когда позвали. Хотя сначала не хотел идти, готовился к сессии. Он уже учился в МГИМО, а я лишь собиралась поступать в Финансовый институт.

Впервые мы встретились на станции метро «Маяковская», и все время, пока Андрюша за мной ухаживал (а это продолжалось более двух лет), назначали друг другу свидания только на «Маяковской» у бюста поэту в конце зала. Лет десять назад на станции построили второй выход, Андрей вернулся домой и трагическим голосом сказал: «Случилось страшное!» В первую секунду я даже испугалась. У него было потрясающее чувство юмора, он любил подшутить, разыграть. Выдержав паузу, муж продолжил: «Был на «Маяковской»... Я взмолилась: «Ну! Не тяни...»—«Памятник перенесли в другой вестибюль. Место наших свиданий разрушено!»

Вскоре после нашего знакомства он уехал в стройотряд месяца на два. Вернувшись, сразу позвонил мне. И мы продолжили встречаться.

Мария Александровна потом вспоминала: Андрей на третьем курсе пришел и сказал, что нашел невесту. Она ответила: хорошо, но вы оба—студенты, подумай, как и на что будете жить. Он согласился, что маме будет тяжело тащить всех, и сделал мне предложение лишь на пятом курсе, когда пошел на практику в МИД и стал получать зарплату. Андрюша всегда ответственно ко всему относился. Его отец умер

МЕСЯЦА ЗА ТРИ ДО ТРАГЕДИИ МЫ ВДВОЕМ ЕХАЛИ В МАШИНЕ (АНДРЕЙ ПО ВЫХОДНЫМ ОТПУСКАЛ ШОФЕРА). И ВДРУГ ОН СКАЗАЛ: «МАРИНА. ЕСЛИ КРИКНУ: «ЛОЖИСЬ!»—СРАЗУ ПАДАЙ ВНИЗ. И НИКАКИХ ВОПРОСОВ НЕ ЗАДАВАЙ. ТАК НАДО!»

15
На юбилее Марии Александровны, мамы Андрея.

рано—в 37 лет. После командировки в Африку отказало сердце. Видимо, подорвал там здоровье.

В четырнадцать лет Андрей остался единственным мужчиной в семье, помогал маме и сестре, отвечал за всё в доме.

—Он ведь из потомственных дипломатов?

—Отец работал в Танзании и Египте, а Андрюшина бабушка пришла в МИД еще в двадцатых годах прошлого века. И мама Мария Александровна училась в МГИМО. Наш сын, получается, четвертое поколение.

—Геннадий вернулся из Северной Кореи?

—Да, после похорон уехал в Пхеньян и через две недели возвратился уже окончательно. Сейчас работает в консульском департаменте, живет с семьей неподалеку. У него двое детей, моих внуков—Матвей и Ульяна.

—Честно говоря, удивился, узнав, что квартира посла из династии МИДовцев в Ховрино, а не в пределах Садового кольца. С видом на Смоленскую площадь.

—О чем вы?! Этой квартире лишь пять лет. Министерство выделило нам субсидию на ее покупку. До того мы жили со свекровью на Фестивальной в девятиэтажном панельном доме. У нас была девятиметровая комната с полуторной кроватью, поскольку двуспальная не помещалась. Зато стояло много полок с книгами, которые покупали за границей, взахлеб читали и потом ящиками везли в Россию. И в шестиметровой кухне мы завтракали по очереди, одновременно за столом все не помещались.

Поэтому нынешняя трехкомнатная квартира—хоромы, подарок судьбы! Андрей сам делал эскизы встроенных шкафов, полочек. Он объездил более шестидесяти стран, особенно, пока работал в консульском департаменте, и отовсюду привозил какие-то сувениры, которые потом заботливо расставлял дома. Для него это была память о поездках. Андрюша любил коллекционировать всё подряд—марки, открытки, монетки, фигурки серебряных собачек и черепашек, даже пачки сигарет, которые когда-то считались дефицитом. Последние потом, правда, раздарили, раздали друзьям. Муж не курил.

16

17

«Он живой»

—Сейчас у подъезда вашей квартиры висит мемориальная доска с профилем Андрея Геннадьевича...

—Ее открыли 19 декабря, в годовщину трагедии. Работа скульптора Александра Рукавишникова. Удивительнейший человек, прекрасный. Когда встретились впервые, возникло ощущение, словно всю жизнь знакомы. В каком виде должна быть доска, не обсуждали. Александр Иулианович сказал: «Буду делать». Потом мы с сестрой приехали в мастерскую, и я поразилась, насколько угадан образ Андрея. Дело не только во внешнем сходстве, скульптор почувствовал душу человека, которого не знал при жизни. На доске фоном—дорога, деревья, лес. Именно то, что так любил муж. Он обожал природу, всегда подолгу гулял, стремился на дачу, где многое сделал своими руками.

—Наверное, Марина Михайловна, у вас сложился ритуал, когда проходите мимо доски.

—Скорее, не ритуал, а потребность. Подхожу, здороваюсь, разговариваю с Андреем. Он ведь и на доске тоже бывает очень разным. Иногда улыбается, а порой плачет.

В этом же декабре умерла моя мама, был влажный, сырой день, мы с Надей, сестрой, подошли к доске, смотрим: а у Андрея по щекам будто слезы катятся...

Знаете, когда собираемся сейчас компанией, первый тост всегда поднимаем за моего мужа. За ушедших принято пить, не чокаясь, а мы обязательно соединяем бокалы! Он живой...

16 Андрей вернулся домой.

17 Улица Каръягды в Анкаре переименована в улицу Андрея Карлова.